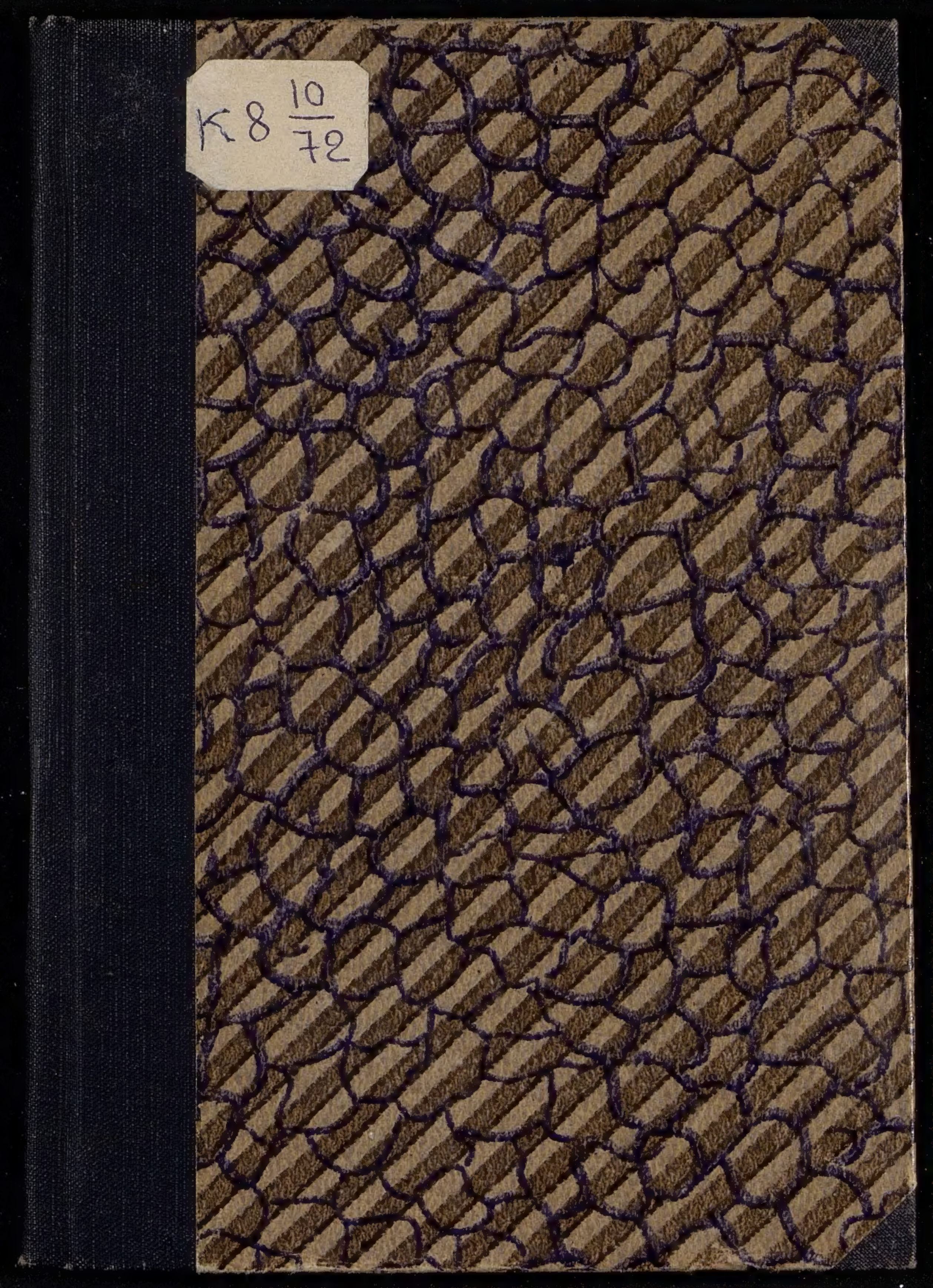
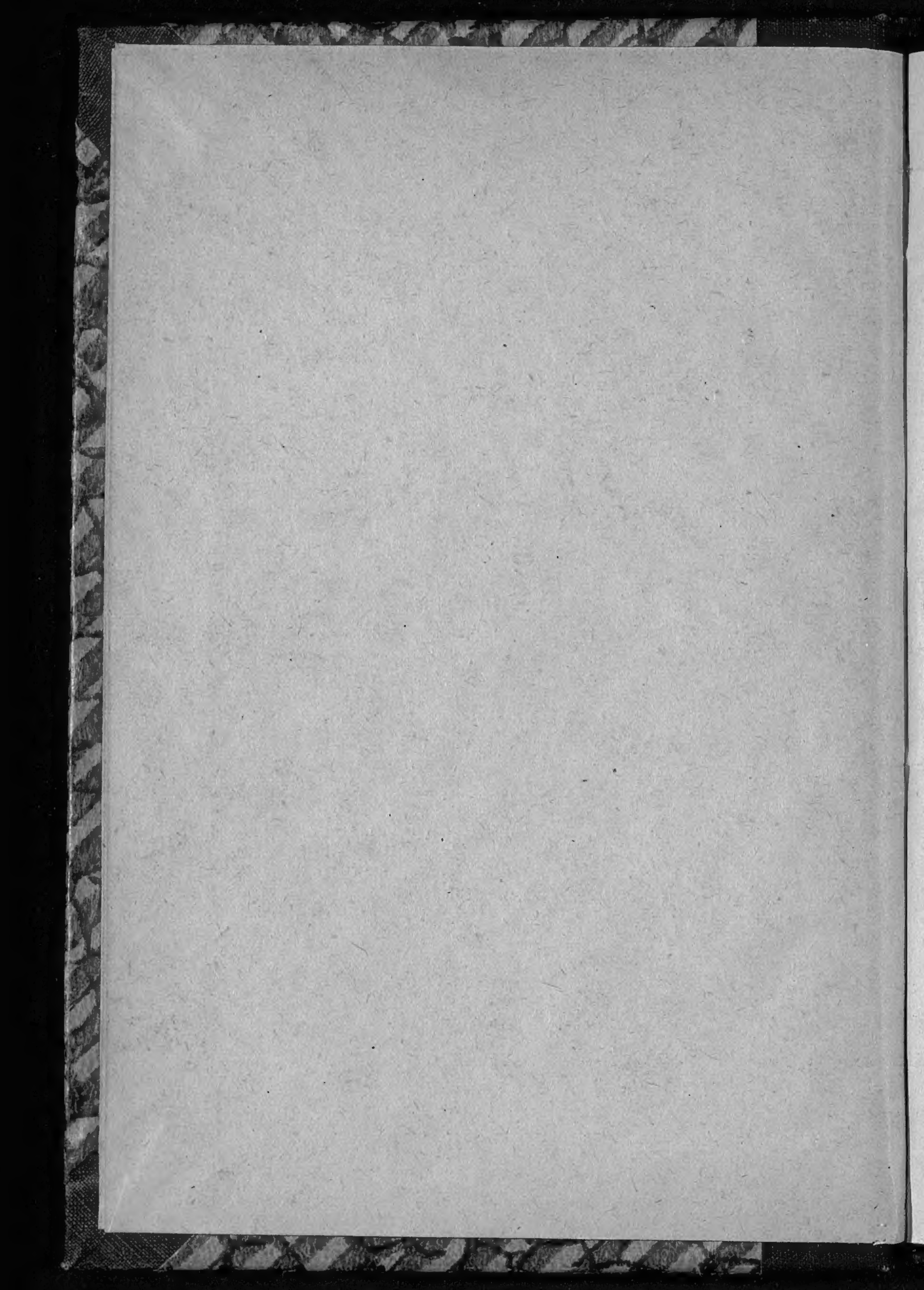

K 8 10/72

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

ИЗВЛЕЧЕНО

изъ воспоминаній герцога Евгенія Виртембергскаго

Я. Туруновымъ.

Александру Ивановичу

Лаврентьеву.

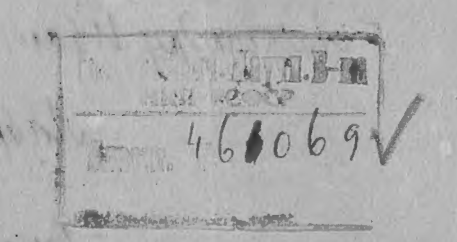
отъ Я. Турунова

13-го Дек. 1867.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Анд. Бокрама, по Большой Московской, № 4.

1867.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 ноября 1867 года.

Изъ № 22 „Литературной Библіотеки“ 1867 г.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

(*Изъ воспоминаній герцога Евгенія Вюртембергскаго.*)

Прискорбныя событія 14 декабря 1825 г. описаны въ извѣстной книгѣ барона Корфа (*Восшествіе на престолъ Императора Николая I*) такъ обстоятельно и на основаніи такихъ источниковъ, что, повидимому, ничего существеннаго не оставалось бы прибавить къ сообщаемымъ авторомъ фактамъ; тѣмъ не менѣе мы рѣшились представить новый матеріалъ для исторіи воцаренія Императора Николая Павловича, не лишенный ни интереса, ни значенія, какъ сказаніе правдиваго очевидца и одного изъ тѣхъ преданнѣйшихъ покойному Государю лицъ, которыя находились при немъ въ продолженіе всего тревожнаго дня 14-го декабря. Баронъ Корфъ не могъ имѣть въ виду воспоминаній герцога Евгенія Вюртембергскаго, потому что они появились въ печати въ 1861 — 1862 году и до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, оставались неизвѣстными русской публикѣ *).

…, говорится только о боевой дѣятельности доблестнаго сподвижника Императора Александра I. и не упоминается о 14 декабрѣ 1825 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 ноября 1867 года.

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

(*Изъ воспоминаній герцога Евгенія Вюртембергскаго.*)

Прискорбныя событія 14 декабря 1825 г. описаны въ извѣстной книгѣ барона Корфа (*Восшествіе на престолъ Императора Николая I*) такъ обстоятельно и на основаніи такихъ источниковъ, что, повидимому, ничего существеннаго не оставалось бы прибавить къ сообщаемымъ авторомъ фактамъ; тѣмъ не менѣе мы рѣшились представить новый матеріалъ для исторіи воцаренія Императора Николая Павловича, не лишенный ни интереса, ни значенія, какъ сказаніе правдиваго очевидца и одного изъ тѣхъ преданнѣйшихъ покойному Государю лицъ, которыя находились при немъ въ продолженіе всего тревожнаго дня 14-го декабря. Баронъ Корфъ не могъ имѣть въ виду воспоминаній герцога Евгенія Вюртембергскаго, потому что они появились въ печати въ 1861 — 1862 году и до сихъ поръ, сколько мы знаемъ, оставались неизвѣстными русской публикѣ *).

Предварительно считаемъ нелишнимъ познакомить читателей съ замѣчательною личностію герцога Евгенія.

Принцъ Евгеній Вюртембергскій (титулъ герцога онъ наслѣдовалъ уже послѣ смерти своего отца), сынъ роднаго брата Императрицы Маріи Ѳеодоровны, герцога Евгенія, генерала отъ кавалеріи прусской службы, родился 8-го ян-

---

*) Воспоминанія герцога Евгенія Вюртембергскаго о 14 декабрѣ 1825 г. вошли въ составъ матеріаловъ для его біографіи, изданныхъ прусской службы генералъ-маіоромъ барономъ Гельдорфомъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Aus dem Leben des kaiserlich-russischen Generals der Infanterie Prinzen Eugen von Württemberg. Aus dessen eigenhändigen Aufzeichnungen, so wie aus dem schriftlichen Nachlass seiner Adjutanten gesammelt und herausgegeben von Freiherr von Helldorf. Berlin. 1861 — 1862.“ На основаніи этихъ матеріаловъ составленъ на русскомъ языкѣ біографической очеркъ жизни принца, помѣщенный въ Военномъ Сборникѣ за 1864 годъ; но въ очеркѣ этомъ, по самому назначенію его, говорится только о боевой дѣятельности доблестнаго сподвижника Императора Александра I. и не упоминается о 14 декабрѣ 1825 г.

варя 1788 года въ Эльсѣ, въ Силезіи. Въ 1797 году Императоръ Павелъ пожаловалъ девятилѣтняго принца полковникомъ, въ слѣдующемъ году произвелъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Псковскаго драгунскаго полка, а въ началѣ 1801 года вызвалъ своего племянника въ С. Петербургъ и здѣсь наименовалъ его командоромъ Мальтійскаго ордена. Лѣтомъ того же года принцъ Евгеній возвратился въ Германію, гдѣ докончилъ свое общее и военное образованіе, первое—посѣщая, съ января 1802 года, Эрлангенскій университетъ, второе—подъ руководствомъ барона Людвига Вольцогена, тогда поручика прусской арміи *). „Кромѣ занятій науками и музыкою — пишетъ принцъ въ своихъ воспоминаніяхъ—я жадно слѣдилъ, въ теченіи 1803 года, за современными событіями, каковы были: возобновленіе войны между Англіей и Франціей, сосредоточеніе французскихъ войскъ у Булони, мѣры, принятыя англичанами противъ высадки французовъ, вообще честолюбивые замыслы Наполеона и рыцарское стремленіе Императора Александра защитить слабаго противъ сильнаго.“

Съ открытіемъ войны 1806 года, восемнадцатилѣтній принцъ выступилъ на боевое поприще. Въ сраженіи при Пултускѣ (14-го декабря) онъ былъ посылаемъ главнокомандующимъ въ самыя опасныя мѣста съ порученіями, которыя исполнялъ точно, подъ непріятельскими выстрѣлами, и за то награжденъ, по ходатайству Бенигсена, орденомъ св. Георгія 4-й степени. Въ кампанію 1807 года участвовалъ въ кровопролитномъ бою подъ Прейсишъ - Эйлау, въ рукопашной схваткѣ при Вольфсдорфѣ, недалеко отъ Гутштадта, и подъ Фридландомъ, гдѣ подъ нимъ была штыкомъ заколота лошадь, а самъ онъ контуженъ въ ногу.

Унизительное наполеоновское иго, тяготѣвшее въ то время надъ Германіей, сознаніе германской націи, что только Россія, одна изъ всѣхъ континентальныхъ государствъ въ Европѣ не преклонявшаяся тогда предъ волею надменнаго

---

*) Того самаго, который, послѣ тильзитскаго мира, перешелъ въ русскую службу маіоромъ и былъ назначенъ въ генеральный штабъ. Впослѣдствіи Вольцогенъ былъ флигель-адъютантомъ Императора Александра, дослужился до генералъ-маіорскаго чина, но, во время вѣнскаго конгресса, опять перешелъ въ прусскую службу. Вольцогенъ былъ извѣстенъ за знатока теоріи военнаго искуства.

завоевателя, можетъ, въ данную минуту, освободить порабощенные народы, все это побудило молодаго принца обречь себя на дѣйствительную службу въ нашей арміи. Въ ноябрѣ 1807 года онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи, и, пользуясь наступившимъ миромъ, посвятилъ свои досуги основательному изученію военнаго искуства. Предвидя неминуемую борьбу Россіи съ властелиномъ всей западной Европы, онъ составилъ записку о Наполеонѣ и образѣ веденія войны противъ него, въ которой развилъ ту мысль, что, воюя съ Наполеономъ, должно уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія и вступать въ бой тогда, когда на нашей сторонѣ будутъ очевидныя преимущества. Именно такой образъ веденія войны и былъ впослѣдствіи принятъ Барклаемъ-де-Толли и содѣйствовалъ сокрушенію замысловъ Наполеона поработить Россію.

Война 1812 года не замедлила выставить въ яркомъ свѣтѣ военныя дарованія и блистательную храбрость принца Евгенія, назначеннаго, незадолго передъ тѣмъ, начальникомъ 4-й дивизіи, входившей въ составъ 2-го корпуса (Баговута). Въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, сопровождавшихъ роковое бѣгство наполеоновскихъ полчищъ изъ Москвы, — вездѣ двадцати-четырехлѣтній принцъ являлъ себя нетолько доблестнымъ, безстрашнымъ воиномъ, но умнымъ, свѣдущимъ и распорядительнымъ начальникомъ, и наравнѣ со всѣми дѣлилъ опасности и труды вѣчнопамятной кампаніи; онъ не позволялъ себѣ никакихъ облегченій и удобствъ, всегда первымъ являлся на бивуакахъ, послѣдній занималъ теплую квартиру и удивлялъ даже старыхъ служакъ своею твердостію духа и терпѣніемъ.

Война 1813 года, предпринятая Императоромъ Александромъ для освобожденія Германіи, открыла еще болѣе широкое поле дѣятельности принца Евгенія. Получивъ, передъ переходомъ нашихъ войскъ чрезъ Нѣманъ, въ командованіе 2-й пѣхотный корпусъ, онъ покрылъ себя и доблестныя войска свои неувядаемою славою во время геройской борьбы, начавшейся 14-го августа, послѣ отступленія нашей арміи изъ-подъ Дрездена въ Богемію, и кончившейся 18-го числа знаменитою побѣдою при Кульмѣ. Чтобы оцѣнить по достоинству этотъ подвигъ молодаго принца, надобно вспом-

нить, что, въ самый день дрезденскаго сраженія, онъ съ 10.000 человѣкъ остановилъ 37.000 корпуса Вандама, двигавшагося въ тылъ нашей разстроенной арміи, которая, находясь въ Богемскихъ горахъ, была бы поставлена въ самое опасное положеніе, еслибы Вандамъ успѣлъ выполнить предначертанный планъ. Не слѣдуетъ также забывать, что при арміи также находился и Императоръ Александръ. На другой день, т. е. 15-го августа, принцъ самъ перешелъ въ наступленіе, отбросилъ французовъ и тѣмъ открылъ путь всей гвардіи и артиллеріи, слѣдовавшей съ графомъ Остерманомъ-Толстымъ; 16-го, продолжая прикрывать войска Остермана, онъ непрерывно сражался съ Вандамомъ, а 18-го, въ день кульмскаго боя, занималъ, съ уцѣлѣвшими остатками своего корпуса, центръ нашей позиціи и съ рѣдкимъ мужествомъ оборонялъ селеніе Пристенъ *). Императоръ Александръ наградилъ принца Евгенія, на самомъ полѣ сраженія, знаками ордена св. Владиміра 1-й степени и сказалъ ему: — „Je sais tout ce que nous vous devons, mais la résignation est la plus belle des vertus“ **).

Въ исполинской „битвѣ народовъ“ подъ Лейпцигомъ, принцъ Евгеній явилъ себя истиннымъ героемъ. Въ первый день боя (4-го октября), при Вахау, онъ стоялъ у Госсы, въ центрѣ первой линіи союзниковъ. На его слабую колонну (9.900 человѣкъ) обрушился главный натискъ многочисленнаго непріятеля, поддерживаемаго жесточайшимъ артиллерійскимъ огнемъ, а потомъ корпусъ принца былъ атакованъ грозными массами французской кавалеріи. Войска, воодушевленныя непоколебимымъ мужествомъ своего молодаго начальника, дрались какъ львы, и только подавляющія силы противника заставили отойдти ихъ. Подъ принцемъ была убита лошадь, и то же ядро сразило одного изъ его адъютантовъ. Потери, понесенныя 2-мъ корпусомъ, оказались столь громадными, что Барклай-де-Толли не повѣрилъ полковнику Вихтену (адъютанту принца), когда тотъ объ-

---

*) Какъ велики были потери, понесенныя 2-мъ корпусомъ въ эти четыре дня, явствуетъ изъ того, что при открытіи кампаніи принцъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 15.500 человѣкъ, а къ 18-му августа выбыло изъ строя, убитыми и ранеными, 7.500 чел.

**) „Я знаю все, чѣмъ мы обязаны вамъ; но самопожертвованіе есть высшая добродѣтель.“

явилъ ихъ цифру. — „Если, ваше сіятельство, не вѣрите живымъ, то взгляните на поле побоища, и васъ убѣдятъ мертвые,“ возразилъ Вихтенъ. Изъ 9.900 человѣкъ, съ которыми принцъ вступилъ въ бой, выбыло изъ строя 6.333 человѣка и подбито болѣе 40 орудій.

Награждая принца орденомъ св. Георгія 2-йстепени, Императоръ Александръ такъ отозвался о своемъ двоюродномъ братѣ и о войскахъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ:

—„Le second corps a donné à cette occasion des preuves d'un devouement qui surpasse tout ce qu'on peut prétendre, et j'attribue le résultat à l'esprit héroique de son chef *)“.

По вступленіи союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, корпусъ принца Евгенія, входившій въ составъ арміи гр. Витгенштейна, участвовалъ въ двухдневномъ бою подъ Ножаномъ (29 и 30 января 1814), потомъ въ сраженіяхъ при Баръ-сюръ-Обѣ (15 февраля) и Арсисъ-сюръ-Обѣ и наконецъ подъ стѣнами Парижа. Здѣсь принцъ Евгеній достойно заключилъ свое славное боевое поприще въ борьбѣ Императора Александра съ Наполеономъ. Обладая въ высокой степени вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, онъ скоро понялъ значеніе Роменвиля въ общемъ ходѣ дѣла и быстро сообразилъ необходимость предупредить здѣсь непріятеля и удержаться въ этой деревнѣ до прибытія арміи, потому что еслибы непріятель занялъ Роменвиль, то стоило бы большаго труда приблизиться къ Парижу съ этой стороны, представлявшей самыя выгодныя условія для обороны. Рѣшившись привести въ исполненіе свою мысль и сдѣлавъ нужныя распоряженія, принцъ Евгеній увѣдомилъ о томъ Барклая слѣдующею, написанною карандашемъ, запискою: „Romainville est la clef du terrain et doit être occupé. Un sanglant combat y attend le second corps. Il se dévoue. Ce n'est pas la première fois. J'espere un prompt sécours“ **). Барклай отвѣчалъ: —„Съ благодарностію принимаю вашу рѣшимость. Гренадеры готовы поддержать васъ.“

---

*) „Второй корпусъ явилъ доказательства такого самоотреченія, которое превосходитъ все, что только можно вообразить себѣ, и я приписываю это геройскому духу его начальника“.

**) „Роменвиль есть ключь мѣстности и долженъ быть занятъ. Кровопролитный бой ожидаетъ тамъ войска втораго корпуса. Они обрекаютъ себя на это. И не впервые. Надѣюсь на скорую помощь“.

Парижъ палъ, и войскамъ 2-го корпуса выпала честь первымъ вступить въ столицу Франціи. Они заняли ратушу. У Паитенской заставы принцъ Евгеній, во главѣ караула отъ 20-го егерскаго полка, встрѣтилъ Императора Александра, который тутъ же поздравилъ его генераломъ отъ инфантеріи, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ благодарилъ его за оказанныя заслуги и въ заключеніе сказалъ:—„Sans vous, nous ne serions pas içi“ *).

По возвращеніи въ Россію, принцъ продолжалъ командовать 2-мъ корпусомъ до 1816 года; въ этомъ году онъ получилъ начальство надъ первымъ пѣхотнымъ корпусомъ, но въ 1821 году, по семейнымъ обстоятельствамъ, былъ уволенъ отъ должности корпуснаго командира. При восшествіи на престолъ Императора Николая, принцъ былъ назначенъ состоять при особѣ Его Величества.

Турецкая война 1828 года снова вызвала принца Евгенія на боевое поприще. Онъ сопровождалъ Императора на Дунай, былъ въ его свитѣ при переправѣ черезъ эту рѣку и подъ Шумлою вступилъ въ командованіе 7-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Съ небольшою частію этого корпуса, принцъ выдержалъ, подъ Варною, на высотѣ Куртенэ (18 сентября), упорнѣйшій семичасовой бой съ впятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ, былъ раненъ при самомъ началѣ сраженія, но оставался на полѣ до конца его. Послѣ паденія Варны онъ уѣхалъ изъ арміи, поселился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Карлсруэ (въ Силезіи) и въ послѣдній разъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1839 году присутствовать при открытіи памятника на бородинскомъ полѣ. Здѣсь герой Бородина, Кульма и Лейпцига былъ встрѣченъ Императоромъ Николаемъ съ уваженіемъ и почестями, на которыя онъ имѣлъ право, какъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ участниковъ въ славномъ бою.

Въ 1846 году герцогъ Евгеній напечаталъ въ Бреславлѣ свои „Воспоминанія“ о войнѣ 1812 года (Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812 in Russland)—правдивую исповѣдь, въ которой отражается вся его возвышенная и благородная душа. Это одинъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи отечественной войны.

---

*) „Еслибы не вы, намъ не бывать бы здѣсь“.

Герцогъ Евгеній скончался въ 1857 году, 69 лѣтъ отъ-роду.

По свидѣтельству ратныхъ товарищей герцога въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, онъ, несмотря на свой высокій санъ, несмотря на то, что былъ иноземецъ, стяжалъ рѣдкую популярность въ нашихъ войскахъ. Θ. Н. Глинка, въ своихъ „Очеркахъ бородинскаго сраженія", такъ описываетъ двадцати-четырехлѣтняго принца Евгенія: „Онъ былъ высокаго роста, сухощавъ, бѣлокуръ, съ голубыми глазами, слегка округленнымъ небольшимъ лицомъ, полнымъ выразительности. Въ обхожденіи и одеждѣ простъ. Часто являлся на бивуакахъ въ простой солдатской шинели, опоясанный истертымъ шарфомъ, хлебалъ солдатскую кашу и лакомился солдатскимъ сухаремъ. Солдаты любили своего начальника и готовы были идти за него въ огонь и въ воду".

Обращаемся теперь къ собственному разсказу герцога Евгенія Вюртембергскаго о событіяхъ 14 декабря 1825 года, помѣщенному въ книгѣ Гельдорфа подъ заглавіемъ: „Die Reise nach Russland im Jahre 1825 und die Verschwörung in St. Petersburg" (*Поѣздка въ Россію въ 1825 году и заговоръ въ С.-Петербургѣ*).

Вдовствующая Императрица Марія Θеодоровна (моя тетка), принимая участіе въ постигшемъ меня горѣ *), убѣдительно приглашала меня прибыть въ Петербургъ, гдѣ обѣщала разсѣяніе и утѣшеніе моей скорбной душѣ. Императоръ Александръ, съ своей стороны, также почтилъ меня самымъ лестнымъ вниманіемъ, о чемъ писала мнѣ Императрица и тѣмъ ускорила мой отъѣздъ.

Но на мнѣ оправдалось, какъ часто ничтожныя случайности бываютъ связаны съ важными событіями.

Въ августѣ 1825 года я повредилъ себѣ на охотѣ ногу. Боль, вначалѣ самая незначительная, усилилась въ такой степени, что я пролежалъ въ постели нѣсколько недѣль, и потому когда сталъ приближаться день, назначенный мною

---

*) Герцогъ говоритъ о кончинѣ своей супруги.

для отъѣзда, родные мои, въ особенности матушка, видя мое еще болѣзненное состояніе, отговаривали меня отъ путешествія. Я однако не послушался, отправился въ дорогу, но доѣхалъ только до перваго ночлега: усилившаяся опухоль на ногѣ заставила меня вернуться. Не прежде 19-го ноября былъ я въ возможности вторично пуститься въ путь, въ сопровожденіи полковника Молоствова *).

Въ Варшавѣ, великій князь Константинъ напугалъ меня призраками революціоннаго духа, будто бы господствовавшаго въ русской арміи и преимущественно въ гвардейскихъ войскахъ. —„Une fusée, jetée dans le régiment de Préobrajensk, est toute en flammes" **), —сказалъ мнѣ цесаревичъ, прибавивъ: — „Но своихъ (т. е. поляковъ) я держу въ рукахъ, и увѣренъ въ нихъ".—Великій князь имѣлъ, вѣроятно, въ виду, для оправданія своихъ подозрѣній, случай, бывшій въ Семеновскомъ полку въ 1820 году, и, поручая мнѣ переговорить объ этомъ предметѣ съ Императоромъ, просилъ удостовѣрить Его Величество въ непоколебимой преданности поляковъ. Еслибы судьба дозволила мнѣ исполнить это порученіе, то, относительно послѣдняго пункта, я высказалъ бы Государю противоположное мнѣніе.

23-го ноября (5-го декабря), ночью пріѣхалъ я въ Петербургъ и остановился въ гостинницѣ, чтобы въ столь позднее время не произвести тревоги во дворцѣ. Вскорѣ явился ко мнѣ камердинеръ моей тетки съ приглашеніемъ быть у нея утромъ и мимоходомъ упомянулъ о легкомъ нездоровьѣ императора въ Таганрогѣ.

Я нашелъ вдовствующую Императрицу въ большомъ безпокойствѣ. Опасенія ея высказались въ слѣдующихъ словахъ, ко мнѣ обращенныхъ:

— „Мнѣ кажется, дѣло не такъ незначительно, какъ думаютъ. Вилье не сказалъ бы: *мы имѣемъ наилучшія надежды*, еслибы не было опасности, а я еще никогда не видала Государя въ опасности по причинѣ болѣзни."

---

*) Адъютантъ герцога.

**) „Ракета, брошенная въ Преображенскій полкъ, воспламенилась". Извѣстно, что въ Преображенскомъ полку никогда ничего подобнаго не бывало. Преображенцы искони отличались своею преданностію законной власти.

Только теперь узналъ я, что Императоръ Александръ простудился въ Крыму и страдалъ лихорадкою.

При посѣщеніи мною великаго князя Николая и при другихъ визитахъ въ городѣ, я замѣтилъ меньше опасеній, чѣмъ въ Императрицѣ, и потому, основываясь на офиціальныхъ извѣстіяхъ, считалъ ея боязнь не вполнѣ основательною. На третій, кажется, день моего пріѣзда въ Петербургъ, курьеръ изъ Таганрога привезъ однако извѣстіе, что болѣзнь Императора усилилась. Бюллетени врачей и письма Императрицы Елизаветы дали новую пищу опасеніямъ.

Вѣсть распространилась по городу съ быстротою бѣглаго огня и произвела необыкновенное впечатлѣніе. Со всѣхъ сторонъ толпы народа устремились въ церкви молиться за сохраненіе жизни Императора; мысли всѣхъ сосредоточились на одномъ предметѣ; въ общемъ напряженіи умовъ исчезла всякая дума о себѣ. Положеніе Императрицы-матери было ужасно: она знала всю великость опасности, а между тѣмъ должна была сохранять присутствіе духа, что почти превышало ея силы.

Великій князь Николай Павловичъ, до сихъ поръ, повидимому, не думавшій о возможности такого несчастія, не былъ въ состояніи совладать со своими чувствами и слезами при одной мысли о потерѣ Александра. Все кругомъ плакало. Рѣдко случалось мнѣ видѣть бо̀льшую скорбь, да и самъ я рѣдко ощущалъ ее въ столь сильной степени. Съ настоящими моими чувствованіями связаны были незабвенныя воспоминанія....

На слѣдующій день получены были извѣстія болѣе успокоительныя. Императоръ, писали изъ Таганрога, хотя и заболѣлъ очень опасно, однако благополучно перенесъ переломъ недуга. Кто зналъ крѣпкое сложеніе Александра, тотъ имѣлъ право поддаваться наилучшимъ надеждамъ, и такія радостныя упованія подтверждались нѣсколькими строками, написанными Императрицею Елисаветою Алексѣевной. Во всѣхъ церквахъ служили благодарственные молебны; настроеніе умовъ оживилось мгновенно; всѣ стали покойнѣе.

27-го ноября (9-го декабря) вновь назначено было молебствіе въ церкви Зимняго дворца. Вдовствующая Императрица, великій князь Николай, его супруга и я собрались въ ризницѣ.

Императрица-матерь и великая княгиня Александра Ѳео-

доровна стояли, обратясь лицомъ къ церкви; великій князь Николай Павловичъ прислонился спиной къ стекляннымъ дверямъ (входнымъ дверямъ въ ризницу); я помѣстился насупротивъ его и смотрѣлъ черезъ эти двери въ корридоръ, соединяющій дворцовые покои съ ризницей. Когда молебствіе оканчивалось, я замѣтилъ въ корридорѣ военнаго генералъ-губернатора графа Милорадовича, блѣднаго и подававшаго мнѣ знаки. Поспѣшно вынувъ изъ кармана платокъ, я показалъ видъ, будто у меня сдѣлалось кровотеченіе изъ носа и, при выходѣ, толкнулъ тихонько великаго князя. Обернувшись и увидѣвъ генералъ-губернатора, великій князь торопливо вышелъ и удалился съ нимъ въ ближайшіе покои.

Я не могъ, по причинѣ больной ноги, быстро послѣдовать за ними, и потому когда ступилъ въ третью комнату, великій князь, въ слезахъ и показывая мнѣ письмо, встрѣтилъ меня восклицаніемъ: „Tout est perdu!“ (*Все кончено!*). Рядомъ съ нимъ стояли графъ Милорадовичъ, генералъ Шульгинъ *) и фельдъегерь, прибывшій съ извѣстіемъ о кончинѣ Императора, послѣдовавшей въ Таганрогѣ 10-го ноября.

Великій князь, пораженный жестокою скорбію, обнялъ меня и умолялъ сообщить страшную вѣсть Императрицѣ-матери; но я самъ не чувствовалъ себя въ силахъ исполнить это порученіе.

Когда я возвратился въ ризницу, двери сюда уже были отворены, и присутствовавшія въ церкви лица тѣснились въ нихъ. Императрица, распростершись ницъ, стала приходить въ себя и судорожно ломала свои руки. Вбѣжавшій въ эту минуту великій князь бросился къ ногамъ родительницы; она сжала его въ своихъ объятіяхъ, и только теперь полились изъ глазъ ея обильныя слезы, облегчившія сдавленную горемъ грудь.

Всѣ тѣ, которые присутствовали при богослуженіи, внѣ себя отъ ужаса поспѣшили въ ризницу. Протоіерей **) далъ Императрицѣ облобызать крестъ; другіе, со всѣхъ сторонъ, бросились цѣловать ея руки и орошали ихъ слезами...

---

*) Оберъ-полиціймейстеръ, Александръ Сергѣевичъ, передъ тѣмъ долго бывшій въ Москвѣ въ этомъ же званіи.

**) Криницкій, духовникъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Сцена была поразительная... Трепетъ и горесть овладѣли мною...

Вмѣстѣ съ великимъ княземъ я поддерживалъ тетушку и нѣсколько минутъ она стояла, опершись на мою руку; но великій князь вдругъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: „Allons prêter serment.“ (*Пойдемъ присягать.*) Мы прошли чрезъ длинный рядъ комнатъ, на другой конецъ дворца, во вторую дворцовую церковь. Здѣсь, по произнесеніи присяги Императору Константину I, великій князь подписался на присяжномъ мѣстѣ; вслѣдъ за нимъ подписался я, а потомъ и всѣ присутствовавшіе.

До сихъ поръ я ничего не зналъ объ обстоятельствахъ, связанныхъ съ вопросомъ о престолонаслѣдіи. Мнѣ было только извѣстно по слухамъ нежеланіе цесаревича Константина царствовать, но объ отреченіи его я не имѣлъ свѣдѣній. Только теперь я узналъ, впрочемъ не чрезъ тетушку и не черезъ великаго князя, но отъ вліятельнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, что Николай Павловичъ не хотѣлъ провозглашать себя Императоромъ до тѣхъ поръ, пока старшій братъ его не возобновитъ своего отреченія отъ престола, и настойчиво распоряжался продолженіемъ присяги Императору Константину. Между прочимъ, онъ приказалъ всѣмъ генераламъ и флигель-адъютантамъ явиться ко мнѣ, какъ къ самому старшему генералу, и подъ моимъ вѣдѣніемъ присягнуть новому Государю.

Вслѣдствіе тревогъ предшествовавшихъ дней, состояніе моей больной ноги такъ ухудшилось, что я не могъ выходить изъ комнаты. Кромѣ ежедневныхъ посѣщеній вдовствующей Императрицы и великаго князя Николая, которые продолжали молчать обо всѣхъ событіяхъ, я принималъ у себя именитѣйшихъ представителей петербургскаго общества и отъ нихъ узнавалъ новости, передаваемыя въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Наконецъ я позволилъ себѣ спросить тетушку: „все ли еще она опасается за мое здоровье?“ (т. е. сообщить мнѣ обо всемъ происходившемъ).— „Дѣло еще не кончено, мой другъ. Все скоро разрѣшится!“— былъ ея отвѣтъ.

Великій князь, на вопросъ мой о престолонаслѣдіи, сказалъ:—„Nous avons prêté serment; nous savons à qui obéir“ *).

*) „Мы присягали и знаемъ, кому должны повиноваться.“

Когда же я замѣтилъ, что Константинъ отрекся отъ престола въ пользу его, онъ возразилъ:

— „J'obéirai à ses ordres et à mon dévoir; et à ce qui vous régarde, Eugène, je compterais toujours sur votre amitié“ *).

— „Disposez de moi dès cette heure comme de Votre aide-de-camp“ **), отвѣчалъ я.

Великій князь обнялъ меня.

Объ отреченіи цесаревича Константина я узналъ достовѣрно 10-го декабря. Вечеромъ 13-го декабря меня позвали ко вдовствующей Императрицѣ. Она, какъ и всѣ дамы, ее окружавшія, была въ бѣломъ платьѣ. Я сейчасъ догадался, что важное дѣло рѣшено. Тетушка подозвала меня къ себѣ, поцѣловала и, слегка улыбнувшись, сказала тихо: — „Нечего скрывать чужія тайны!.. Николай Императоръ! Въ три часа ночи онъ самъ скажетъ тебѣ, что у него лежитъ на сердцѣ.“

Крѣпко и со слезами прижалъ я ея руку къ своимъ губамъ.

Въ назначенный часъ я явился къ новому Императору, который, изложивъ вкратцѣ уже извѣстный ходъ дѣла, сказалъ мнѣ:

— „Любезный Евгеній, покойный Императоръ былъ нашъ общій Государь; мы же были при немъ друзьями и братьями, и останемся такими. Для тебя я не Императоръ; не называй меня величествомъ; при всякомъ случаѣ я требую твоей полной откровенности и не премину воспользоваться ею.“

Я отвѣчалъ, что онъ „во всѣхъ отношеніяхъ можетъ положиться на мою преданность, но что я умѣю уважать и формы.“

— „Что же ты посовѣтуешь мнѣ въ эту минуту?“

— „Никакихъ перемѣнъ въ министерствахъ, все по-старому.“

— „Ты какъ-разъ угадалъ мою мысль! Вотъ тебѣ моя рука!“

Затѣмъ Императоръ прочиталъ мнѣ приказъ по войскамъ гвардіи, которымъ онъ дарилъ мундиры покойнаго Госуда-

---

*) Я исполню его повелѣніе и свой долгъ. А что касается тебя, Евгеній, то я всегда буду расчитывать на твою дружбу.“

**) „Располагайте мною съ этого часа, какъ своимъ адъютантомъ.“

ря. Я упомянулъ о наградахъ и о производствѣ; но Императоръ не хотѣлъ и слышать о нихъ. — „Это имѣло бы видъ, какъ-будто я стараюсь задобрить,“ отвѣчалъ онъ.

Раннимъ утромъ 14-го декабря собралась вокругъ новаго Монарха вся его свита, и послѣ немногихъ, но краснорѣчивыхъ словъ, имъ сказанныхъ, всѣ мы отправились въ зданіе главнаго штаба, гдѣ и послѣдовало принесеніе присяги генералитетомъ и тѣми офицерами, которые не принадлежали къ частямъ войскъ, расположеннымъ въ Петербургѣ. Гвардейскіе полки должны были присягать въ своихъ казармахъ.

Послѣ присяги, я былъ съ поздравленіями у обѣихъ Императрицъ, нашелъ тамъ графа Милорадовича, и, въ ожиданіи назначеннаго въ часъ по полудни молебствія, удалился въ свою комнату писать письмо къ матушкѣ.

Было около половины перваго, когда ко мнѣ вошелъ Молоствовъ. — „Развѣ уже пора?“ спросилъ я его и, вставая изъ-за письменнаго стола, взглянулъ на дворцовую площадь, по которой проходили отдѣльныя группы солдатъ со знаменами. Вокругъ солдатъ тѣснились толпы народа и слышались шумные крики. Больше всего поразилъ меня, при этомъ зрѣлищѣ, выскочившій изъ саней штабъ-офицеръ, который, снявъ киверъ, показалъ свою окровавленную раненую голову. Молоствовъ сообщилъ мнѣ, что въ московскомъ полку неладно, что великій князь Михаилъ поѣхалъ туда, а Государь находится на дворцовой площади, посреди народа.

Немедленно одѣлся я въ парадную форму и сошелъ внизъ. Дорогой встрѣтился мнѣ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, и мы оба стали пробираться сквозь толпу къ юному Монарху, который, будучи окруженъ густыми массами народа, самъ разъяснялъ имъ всѣ обстоятельства и прочиталъ манифестъ о своемъ вступленіи на престолъ. Хотя здѣсь и не проявлялось ничего, кромѣ восторженности и благоговѣйнаго почтенія, однако присутствіе Императора въ народной толпѣ казалось мнѣ столько же неумѣстнымъ, сколько опаснымъ. Я сказалъ ему на ухо: — „Sire, daignez ménager Votre personne! mettez-Vous à cheval!“ — Трубецкой согласился съ моимъ мнѣніемъ.

Государь тотчасъ же приказалъ привести верховую лошадь, что и было исполнено чрезъ нѣсколько минутъ. При-

ведена была и еще лошадь для дежурнаго генералъ-адъютанта Левашова. Императоръ, прежде чѣмъ сѣсть на коня, взялъ мою руку, прижалъ меня къ груди и сказалъ:—„Побереги матушку, жену и дѣтей“.

— „Куда же Вы намѣрены ѣхать?“ спросилъ я въ смущеніи.

— „На сенатскую площадь, говорить съ мятежниками! Они собрались тамъ.“

—„Какъ! И мнѣ оставить Васъ одного въ виду опасности?..“

— „Богъ сохранитъ меня!“

— „Нѣтъ, я не могу оставить Васъ! Не требуйте отъ меня этого: честь не позволяетъ мнѣ!... Что я буду дѣлать во дворцѣ? Еслибы тамъ грозила опасность, пожалуй! Теперь же я вижу, что именно Вы готовы спѣшить навстрѣчу явной опасности.“

— „Ну, хорошо!“—воскликнулъ Императоръ какъ бы въ нетерпѣніи. — „Слѣдуй за мною, когда все устроишь для защиты дворца“.

Смысла этого порученія я не могъ понять. Въ главныхъ воротахъ я повстрѣчалъ караулъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, вышедшій изъ внутренняго двора. Командиръ полка, генералъ-маіоръ Воропановъ, сказалъ мнѣ, что, при всей преданности его подчиненныхъ Императору, число ихъ слишкомъ недостаточно для охраны дворца. Приблизившійся между тѣмъ генералъ Башуцкій, с.-петербургскій комендантъ, объявилъ мнѣ, что сію минуту явится гвардейскій саперный баталіонъ для дворцоваго караула. Я предложилъ крѣпко заколотить всѣ многочисленные малые входы, оставить при нихъ лишь наблюдательные посты и ограничиться занятіемъ главныхъ воротъ. Генералъ Башуцкій, коротко знакомый съ мѣстностію, далъ мнѣ слово исполнить все это въ точности. Такія мѣры предосторожности казались умѣстными на всякій случай, и только теперь рѣшился я спросить, скрѣпя сердце:—„что же собственно случилось?“—Многіе изъ присутствовавшихъ офицеровъ, подобно мнѣ, ничего не знали; другіе сказали только, что солдаты Московскаго полка не вѣрятъ отреченію цесаревича и не присягаютъ Императору Николаю. Но генералъ Воропановъ уже зналъ болѣе своихъ офицеровъ. По его словамъ, большая часть Московскаго полка явно взбунтовалась и ушла на сенатскую площадь, генералы Фредериксъ и Шеншинъ

ранены въ казармахъ, а генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ раненъ смертельно на площади.

— „Боже мой! Государь поѣхалъ туда, а я еще здѣсь!— Гдѣ же мой конь!"—воскликнулъ я.

Поручивъ Молоствову пазаботиться о приводѣ мнѣ верховой лошади, я поспѣшилъ покамѣсть въ верхніе апартаменты дворца къ карауламъ, занимаемымъ кавалергардами и конно-гвардейцами. Въ передней вдовствующей Императрицы карaульнымъ офицеромъ былъ князь Долгорукій, лично мнѣ извѣстный. Онъ увѣрялъ меня, что хотя и не знаетъ ничего о случившемся, но ручался за безопасность Императорской Фамиліи, пока въ немъ и въ его латникахъ останется капля крови.

Затѣмъ я отправился въ покои тетушки, гдѣ уже находилась Императрица съ великимъ княземъ Александромъ и великою княжною Маріей.

Тетушка съ неудовольствіемъ встрѣтила меня вопросомъ:—„Что ты здѣсь дѣлаешь?... Зачѣмъ ты не при Императорѣ?"... Я съ трудомъ успокоилъ ее, объяснилъ возложенное на меня порученіе и, въ свою очередь, замѣтилъ ей не безъ оскорбленнаго чувства:—„Вотъ слѣдствія вашего молчанія относительно преданнѣйшаго родственника, на котораго Императоръ и всѣ вы можете положиться сегодня, но который блуждаетъ во тьмѣ и не знаетъ, въ чемъ дѣло, какъ онъ долженъ поступать"...

— „Горсть обманутыхъ сомнѣвается въ подлинности манифеста", сказала вдовствующая императрица.

— „Только? Въ такомъ случаѣ имъ объяснятъ дѣло", возразилъ я.—„Однако графъ Милорадовичъ уже палъ первою жертвою..... Нѣтъ ли другой скрытной причины волненія?..."

— „Возможно ли допустить подобную мысль!" воскликнула Императрица-матерь.

— „Вы смотрите съ слишкомъ черной точки", замѣтила молодая Императрица.

— „Такъ или иначе, но я спѣшу къ Императору", сказалъ я, подходя къ двери.

— „Да благословитъ тебя Богъ!" напутствовала меня тетушка.

Я уже рѣшился идти пѣшкомъ, когда наконецъ мнѣ привели верховую лошадь. Спустя нѣсколько минутъ, я былъ

возлѣ Императора, который находился между деревяннымъ заборомъ, окружавшимъ Исаакіевскій соборъ, и адмиралтействомъ, при началѣ сенатской площади (обратясь лицомъ къ памятнику Петра Великаго). Между памятникомъ и сенатскою площадью стояло до пятисотъ солдатъ, фронтомъ къ адмиралтейству. Вокругъ ихъ сновали съ озабоченнымъ видомъ нѣсколько человѣкъ, отчасти въ военныхъ мундирахъ, отчасти въ гражданскомъ платьѣ — послѣдніе также почти всѣ вооруженные; впереди ихъ волновались густыя толпы народа, наполнявшія всю площадь и ближайшія къ ней улицы. При императорѣ я увидѣлъ почти всѣхъ членовъ дипломатическаго корпуса, много другихъ высшихъ лицъ, всѣхъ флигель-адъютантовъ Государя и нѣсколькихъ генераловъ, которые еще не успѣли добраться до своихъ верховыхъ лошадей. Верхомъ были, сколько помню, кромѣ Императора и генерала Левашова, состоявшіе при великомъ князѣ Николаѣ адъютантами: Адлербергъ, Кавелинъ, Делингсгаузенъ и Лазаревъ. Эти послѣдніе безпрестанно были посылаемы съ приказаніями и доставляли разныя извѣстія. Позади Государя стоялъ первый баталіонъ Преображенскаго полка. Конно-гвардейскій полкъ (командиръ генералъ-маіоръ А. Ѳ. Орловъ) выстроился въ линію справа, вдоль адмиралтейства, фронтомъ къ мятежникамъ. Въ эту же минуту, со стороны дворцовой площади, приближался генералъ Бенкендорфъ съ кавалергардскимъ полкомъ, а за нимъ слѣдовали конные піонеры, подъ командою полковника Засса. Вскорѣ потомъ прибылъ и великій князь Михаилъ съ частію Павловскаго и съ тою частію Московскаго полка, которую онъ возвратилъ къ долгу съ замѣчательною отвагою и присутствіемъ духа.

Въ тотъ моментъ, когда я подъѣзжалъ къ Императору, онъ разговаривалъ съ драгунскимъ офицеромъ Якубовичемъ, который, приложивъ руку къ шляпѣ, почтительно отвѣчалъ на вопросы Монарха, но наружность котораго, бросавшаяся въ глаза, не внушала довѣрія. Голова этого офицера была обвязана чернымъ шелковымъ платкомъ, мало отличавшимся отъ цвѣта волосъ, и закрывала большую часть лба; черные усы и бакенбарды дѣлали еще болѣе мрачнымъ его смуглое и рѣзко очерченное лицо; черные, проницательные глаза обличали страстнаго, мстительнаго человѣка. Мнѣ казалось, что я вижу передъ собою олицетвореннаго убійцу.

Я могъ разслышать только послѣднія слова удалявшагося Якубовича: „Попытаюсь, но они убьютъ меня". Якубовичъ приходилъ со стороны мятежниковъ лазутчикомъ: ему хотѣлось вывѣдать о положеніи дѣлъ на этой сторонѣ.

— „Sire, point de sang! je Vous en conjure" *)—были первыя слова, сказанныя мною Государю какъ-разъ въ то мгновеніе, когда уже многіе выражали необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Въ то же время я какъ-то невольно вдвинулъ своего коня между Императоромъ и тѣснившимся возлѣ Его Величества малорослымъ, дороднымъ человѣкомъ въ солдатской шинели съ свѣтло-синими погонами (6-го егерскаго полка). На замѣчаніе мое, что за безопасность дворца можно быть покойнымъ, но что здѣсь дѣло, какъ кажется, еще не улажено, Государь отвѣчалъ:

— „Они не слушаютъ!"

— „Отчего такъ мало войскъ? Гдѣ артиллерія?" спросилъ я. Мнѣ сказали, будто и въ артиллеріи обнаружилось волненіе, и прибавили шепотомъ: „Ne vous y trompez pas: c'est une conspiration" **). Только теперь стало для меня понятнымъ порученіе Императора относительно безопасности дворца, и хотя я все еще не имѣлъ положительныхъ данныхъ о дѣйствительной связи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, однако полагалъ, что всякая опрометчивость могла бы подвергнуть опасности жизнь Монарха, отъ сохраненія которой зависѣло *все*. Мысленно я желалъ бы убѣдить его возвратиться во дворецъ и уполномочить меня дѣйствовать; но я не смѣлъ громко высказать своего желанія, не смѣлъ надѣяться и на исполненіе его, зная мужество Императора. И самому мнѣ нельзя было оставить Его Величество въ эту минуту: я считалъ необходимымъ скорѣе кончить дѣло, чтобы не опасаться за тылъ (т. е. за дворецъ). Въ пѣхотѣ, правда, чувствовался недостатокъ; но конницы было достаточно, и я думалъ, что, несмотря на гололедицу, внезапный натискъ кавалеріи на толпы народа приведетъ въ разстройство стоявшихъ позади мятежниковъ и облегчитъ ихъ разсѣяніе. Государь согласился на кавалерійскую атаку, но не въ томъ видѣ, какъ предлагалъ я, что и неудивитель-

---

*) „Государь, безъ кровопролитія! Умоляю васъ"....
**) „Не обманывайтесь: это заговоръ."

но: говорили въ эту минуту многіе, и мнѣніе мое не могло взять перевѣса.

Прежде всего, по приказанію Государя, я поспѣшилъ къ генералу Бенкендорфу и далъ ему знать, чтобы онъ перешелъ въ Галерную улицу для прегражденія мятежникамъ дороги, въ случаѣ ихъ бѣгства. Туда долженъ былъ послѣдовать и великій князь Михаилъ съ приведенною имъ пѣхотою; самъ же я сталъ въ главѣ 1-й роты Преображенскаго полка и занялъ Исакіевскій мостъ по направленію къ Васильевскому острову. Мимоходомъ я сообщилъ генералу Орлову (Алексѣю Ѳедоровичу) намѣреніе Государя относительно атаки и предложилъ ему приготовиться по данному трубою сигналу. Преображенцамъ я напомнилъ о доказанномъ ими подъ Кульмомъ самоотверженіи и нашелъ ихъ въ наилучшемъ настроеніи, что подтвердилъ мнѣ и ротный командиръ, капитанъ Игнатьевъ *).

Къ сожалѣнію, на распоряженія потрачено было слишкомъ много времени и, въ добавокъ, о нихъ говорили слишкомъ громко: толпы народа разбѣжались прежде чѣмъ поданъ былъ знакъ къ атакѣ, и на внезапно опустѣвшей площади остались лишь готовые къ бою мятежники. Когда, по сигналу, конница тронулась со всѣхъ сторонъ, изъ колонны бунтовщиковъ раздались выстрѣлы; но большая часть выстрѣловъ сдѣлана была, повидимому, на воздухъ. Тѣмъ не менѣе нѣсколько кавалеристовъ было ранено и убито. Пострадали болѣе всѣхъ конные піонеры, состоявшіе доселѣ подъ непосредственнымъ начальствомъ великаго князя Николая, какъ генералъ-инспектора по инженерной части. Изъ конно-гвардейцевъ, подведенныхъ Орловымъ къ мятежникамъ такъ близко, что солдаты съ обѣихъ сторонъ обмѣнивались словами, пуля пробила кирасу и раздробила руку полковнику Веліо **).—По занятіи мною поста съ преображенскою ротою, капитанъ Игнатьевъ спросилъ, слѣдуетъ ли зарядить ружья. Я удивился, что это до сихъ поръ не было исполнено, но призналъ неудобнымъ заниматься такимъ дѣ-

---

*) Павелъ Николаевичъ, нынѣ генералъ отъ инфантеріи и членъ государственнаго совѣта.

**) Скончался въ августѣ 1867 года, въ чинѣ генерала отъ кавалеріи и въ званіи царскосельскаго коменданта.

ломъ въ близкомъ разстояніи отъ мятежниковъ. Покамѣстъ я медлилъ отвѣтомъ, нѣкоторые изъ мятежническихъ рядовъ, стрѣлявшихъ по кавалеріи, обратились фронтомъ къ намъ и дали залпъ. На разстояніи едва 50—60 шаговъ и при хорошей мишени, такъ-какъ я былъ въ парадномъ мундирѣ и въ орденской лентѣ, залпъ этотъ долженствовалъ бы быть смертельнымъ, однако жъ я не слыхалъ свиста пуль и потому приказалъ преображенцамъ держать ружье у ноги. Только генералу Головину, прибывшему съ Васильевскаго острова съ двумя баталіонами Финляндскаго полка, я предложилъ еще на мосту принять оборонительное положеніе и примкнуть къ ротѣ капитана Игнатьева. Такимъ образомъ мы имѣли здѣсь достаточную силу. Я долженъ, впрочемъ, замѣтить, что генералъ Головинъ и офицеры его смутили меня вопросомъ: „что случилось и какого непріятеля слѣдуетъ имъ ожидать?“

Когда я возвратился къ Императору, кавалерія уже стояла на тѣхъ позиціяхъ, которыя занимала до атаки, и теперь яснѣе можно было видѣть хлопотливость коноводовъ мятежа, похожихъ на бандитовъ, и массу солдатъ, большею частію пьяныхъ, бросавшихъ вверхъ кивера и кричавшихъ: „Ура, Константинъ!“ Порою слышалось восклицаніе: „ура, конституція!“

Теперь всѣ мы, болѣе и болѣе начинавшіе разгадывать истинную связь обстоятельствъ дѣла, уже не сомнѣвались, что рѣчь идетъ о дѣйствительномъ заговорѣ, а не о недоразумѣніи. Необходимость принять рѣшительныя мѣры становилась очевидною; убѣжденіе это раздѣляли генералы Васильчиковъ, Левашевъ, князь Трубецкой и многіе другіе. Однако средства все еще были недостаточны; неприбытіе войскъ, равно и артиллеріи представляло страшный контрастъ съ безпорядочными толпами лейбъ-гренадеровъ и солдатъ гвардейскаго экипажа, спѣшившими къ мятежникамъ. Нѣкоторые офицеры пытались остановить ихъ, но напрасно. Самъ Императоръ, пренебрегая опасностію и не слушая нашихъ просьбъ, въѣхалъ въ толпу большею частію пьяныхъ солдатъ и тщетно убѣждалъ ихъ воротиться. Они примкнули къ обоимъ флангамъ колонны Московскаго полка. Въ то же время опять раздались отдѣльные выстрѣлы и вслѣдъ затѣмъ два офицера провели тяжело - раненаго полковника лейбъ-гренадерскаго полка Стюрлера. Возобновились опа-

сенія и за дворецъ, почему я тотчасъ же поспѣшилъ туда, извѣстивъ предварительно Императора.

Оказалось, что часть лейбъ-гренадеровъ хотѣла проникнуть въ среднія ворота, но, увидавъ на дворѣ саперный баталіонъ, вернулась на сенатскую площадь.

На пути къ покоямъ Императрицъ, я долженъ былъ проходить мимо всѣхъ часовыхъ и всего собранія придворныхъ и другихъ лицъ, ожидавшихъ въ залахъ Зимняго дворца назначеннаго молебствія. Какой разительный контрастъ представляло это новое зрѣлище съ только - что оставленною мною сценой?... Еслибы какой поэтъ захотѣлъ превратить дѣйствительность въ драму, то нашелъ бы здѣсь богатый матеріалъ. При внезапно перемѣнившейся декораціи, явились новые актеры съ выраженіемъ, на ихъ лицахъ, самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній. Замѣтнѣе всего былъ отпечатокъ чувства страха; однако и любопытство играло немалую роль. Взгляды, меня пронизывавшіе, и вопросы, на меня сыпавшіеся, могли бы послужить порядочнымъ запасомъ для романовъ Вальтеръ-Скотта. Мимоходомъ я могъ давать лишь бѣглые отвѣты. При выходѣ изъ залы, взглядъ мой остановился на графѣ Аракчеевѣ: онъ былъ мраченъ, стоялъ потупивъ глаза, и, конечно, его сердце и совѣсть выдерживали въ эту минуту пытку...

Шталмейстеру Самарину я посовѣтовалъ приготовить, на всякій случай, экипажи Императорской Фамиліи; но, сообщивъ о причинѣ такого распоряженія обѣимъ Императрицамъ, я долженъ былъ выслушать упреки, особенно отъ Императрицы Александры Ѳедоровны: онѣ объявили мнѣ, что „твердо рѣшились раздѣлить участь Императора.“ Такое мужество обрадовало меня; тѣмъ не менѣе моя заботливость казалась мнѣ столько же умѣстною, сколько и принятыя мною мѣры предосторожности.

Я возвратился къ Императору и передалъ все мною видѣнное и слышанное. Въ мое кратковременное отсутствіе положеніе дѣлъ на дворцовой и на сенатской площадяхъ измѣнилось совершенно. Правда, число мятежниковъ простиралось уже до двухъ тысячъ: но всѣ остальныя войска гвардіи пребыли вѣрными и собрались на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Оказалось, что приказанія къ выступленію посланы были неодновременно. Во всѣхъ, впрочемъ, частяхъ, по которымъ я проѣзжалъ, ко мнѣ

обращались съ тѣмъ же вопросомъ, что и въ Финляндскомъ полку. Генералъ Бистромъ, начальникъ всей гвардейской пѣхоты, когда я спросилъ его, увѣренъ ли онъ въ своихъ подчиненныхъ, отвѣчалъ: — „Такъ увѣренъ, какъ въ самомъ себѣ; но—прибавилъ онъ улыбаясь—не въ томъ дѣло: я рѣшительно не вѣдаю, что все это значитъ!...“ Генералъ Толль, начальникъ главнаго штаба первой арміи, пріѣхавшій изъ Могилева, спросилъ меня:—„Правда ли, что не хотятъ признавать Константина?“ — И много другихъ находились въ подобномъ же невѣдѣніи. Мы же, окружавшіе Императора, хотя и слышали о заговорѣ, но со стороны мятежниковъ раздавался одинъ возгласъ: „Да здравствуетъ Константинъ!“ что все-таки указывало на недоразумѣніе. Между тѣмъ и чернь, вновь нахлынувшая на площадь, стала принимать участіе въ смутѣ. Генералъ Во[illegible]ковъ, командиръ гвардейскаго корпуса, едва не былъ стащенъ ею съ коня; въ адъютантовъ Императора бросали камнями; въ меня попало нѣсколько снѣжныхъ комковъ. Когда я направилъ лошадь на мужика, кидавшаго въ меня, и спросилъ:—„что вы тутъ дѣлаете?“ — онъ, свалившись съ ногъ и еще не поднимаясь, закричалъ:—„Сами не знаемъ! Шутимъ, баринъ!“

Начинало смеркаться. Возникло справедливое опасеніе, что ночь повлечетъ за собою новые безпорядки, если дѣло не будетъ кончено до наступленія темноты. Тѣмъ временемъ прибыли, подъ командою поручика Бакунина, четыре орудія гвардейской артиллеріи и расположились впереди лѣваго фланга Семеновскаго полка, занимавшаго адмиралтейскую площадь. Императоръ объѣхалъ между тѣмъ ряды пѣхоты и ободрилъ войско нѣсколькими задушевными словами. Въ эту рѣшительную минуту юный Монархъ проявилъ необыкновенное мужество и присутствіе духа, которыя должны были удивить всѣхъ присутствующихъ, тѣмъ болѣе, что до этого времени, онъ не имѣлъ случая обнаружить свои высокія качества героя и Государя. На единодушныя изъявленія похвалъ, Его Величество отвѣчалъ:—„Чистая совѣсть подкрѣпляетъ меня.“

Повторенныя мятежникамъ предложенія разойдтись остались безплодными. По приказанію Императора, имъ объявили, что „будутъ приняты крайнія мѣры“; но все еще надѣясь кончить смуту убѣжденіями, Его Величество въ пос-

слѣдній разъ послалъ генералъ-маіора Сухозанета *) съ словомъ мира. Бунтовщики встрѣтили его криками: — „Да здравствуетъ Константинъ!“ — „Ну, такъ вы узнаете Николая!“ отвѣчалъ генералъ Сухозанетъ.

Спустя нѣсколько минутъ раздалась команда: *первая! вторая!... пли!...*

Дѣйствіе этой вынужденной роковой команды было необъятное. Въ одно мгновеніе вся площадь опустѣла... Пѣхота и конница бросились въ атаку; но мятежники бѣжали такъ прытко, что войска едва успѣвали нагонять отдѣльныя толпы, спасавшіяся по льду, чрезъ Неву, на Васильевскій островъ, или прятавшіяся въ домахъ. На площади лежало много убитыхъ солдатъ; въ прилегающихъ къ ней домахъ оказалось нѣсколько раненыхъ картечью, въ томъ числѣ и женщины. Сдѣлано было лишь четыре выстрѣла. Говорили, будто пало довольно невинныхъ жертвъ чужихъ преступленій.

Во время всѣхъ этихъ послѣднихъ событій я находился возлѣ Императора, по лѣвую руку, и сопровождалъ его до малаго дворцоваго подъѣзда, гдѣ Его Величество слѣзъ съ коня и пошелъ по боковой лѣстницѣ въ покои Императрицы Александры Θеодоровны. За Государемъ слѣдовали, кромѣ меня, генералы Толль, Васильчиковъ, Левашевъ и Нейдгардтъ. На срединѣ лѣстницы Императоръ остановился, обнялъ меня и сказалъ, что „никогда не забудетъ моей вѣрной преданности.“ Затѣмъ онъ приказалъ генералу Васильчикову расположиться на ночь въ зданіи сената и принять начальство надъ войсками по сю сторону Невы. Генералъ Бенкендорфъ былъ назначенъ командовать за Невою; мнѣ же Государь сказалъ: „Et vous, Eugène, vous resterez auprès de moi en qualité de chef d'état major, pour m'aider des vos conseils.“

Вскорѣ затѣмъ началось молебствіе, въ продолженіе котораго я долженъ былъ, по волѣ Государя, собирать при входѣ въ церковь всѣ доставлявшіяся во дворецъ извѣстія, съ тѣмъ чтобы сообщить ихъ ему по окончаніи богослуженія. Въ этотъ промежутокъ арестованы были почти всѣ виновные солдаты; схвачены были и нѣкоторые изъ заго-

---

*) Иванъ Онуфріевичъ, начальникъ гвардейской артиллеріи. Умеръ въ чинѣ генерала отъ артиллеріи и въ званіи члена военнаго совѣта.

ворщиковъ. Изъ первыхъ же показаній солдатъ обнаружилось, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ внушенной имъ мысли о необходимости стоять за права Константина.

Какая тревожная ночь смѣнила грозный день!

Дворцовая и сенатская площади превратились въ бивуаки, вокругъ которыхъ расположились многія тысячи солдатъ. Высоко надъ бивуачными огнями парилъ величественный образъ славнаго творца русской державы. Если духъ Великаго могъ видѣть событія дня, то онъ былъ свидѣтелемъ и преступленія, грозившаго гибелью его созданію, и величія души праправнука, который своимъ безстрашіемъ и самоотверженіемъ исторгнулъ государство изъ бездны неисчислимыхъ золъ. Таково было убѣжденіе нетолько мое, но и всѣхъ, имѣвшихъ случай видѣть въ этотъ день Императора Николая.........

Замѣчательно, что въ первыя минуты, когда послѣ молебствія генералитетъ и другія особы собрались въ переднихъ комнатахъ Императора, почти на всѣхъ лицахъ выражалось безпокойство. Еще никто не зналъ въ точности ни объема заговора, ни главныхъ двигателей его. Даже побудительная причина заговора не была еще выяснена, и между постепенно приводимыми арестованными многіе видѣли своихъ прежнихъ знакомыхъ.

Первый, приведенный со связянными за спиною руками, былъ молодой офицеръ Московскаго полка, князь Щепинъ-Ростовскій, въ полной формѣ, но съ сорванными эполетами. Его мрачная, но рѣшительная физіономія обличала, казалось, скрытнаго злодѣя. Онъ, говорятъ, нанесъ раны генераламъ Шеншину и Фредериксу *). Потомъ привели поляка Горскаго, въ гражданскомъ платьѣ, съ пистолетами за поясомъ; лицо его выражало дерзость, наружность была самая простая. Когда явился поручикъ лейбъ-гренадерскаго полка Шторхъ, сынъ бывшаго наставника при великомъ князѣ Николаѣ, Императоръ воскликнулъ, подобно Цезарю: — „И ты, мой сынъ!“ — „Виноватъ!“ отвѣчалъ молодой человѣкъ; но въ этомъ отвѣтѣ едва ли и не заключалась вся его вина. Шторхъ былъ только жертвою недоразумѣнія, и мятежники удержали его при себѣ насильно. Впослѣдствіи,

---

*) Шеншинъ былъ въ то время бригаднымъ начальникомъ. Фредериксъ командовалъ Московскимъ полкомъ.

именно въ турецкую кампанію 1828 года, я встрѣтился съ этимъ офицеромъ: онъ честно исполнилъ свой долгъ. Послѣ Шторха ввели полковника князя Трубецкаго, дежурнаго штабъ-офицера въ 4-мъ корпусѣ, одного изъ главныхъ коноводовъ заговора. Онъ былъ арестованъ въ домѣ своего зятя, австрійскаго посланника, барона Лебцельтерна.

Рядомъ съ другими заговорщиками, у стола, за которымъ сидѣлъ генералъ Левашевъ, записывавшій показанія, тѣснились почти всю ночь толпы арестованныхъ солдатъ. На вопросъ генерала: — „Ты присягалъ?" — солдатъ отвѣчалъ: — „Присягалъ, ваше превосходительство." — „Кому?" — „Императору Константину Павловичу."

Степень вины солдатъ явствовала изъ ихъ единогласныхъ отвѣтовъ. Но между ними нѣкоторые кричали: — „Ура, конституція!" — И въ этомъ они сознавались. На вопросъ генерала Левашова: „Понималъ-ли ты, что кричалъ?" солдатъ отвѣчалъ: — „Точно такъ, ваше п-во!... это значитъ: да здравствуетъ ея императорское величество, супруга Императора Константина Павловича!"

Въ полночь предпринялъ я, по приказанію Государя, осмотръ постовъ по Исакіевской площади, и нашелъ все въ порядкѣ и тишинѣ, благодаря неутомимой дѣятельности генерала Васильчикова.

Когда я возвратился во дворецъ, допросы еще продолжались.

Тутъ выпало на мою долю отвезти отъ Императора письмо къ моему умирающему боевому товарищу, графу Милорадовичу.

Грустная картина, мнѣ представившаяся, никогда не изгладится изъ моей памяти. Графъ Милорадовичъ, изумлявшій всѣхъ насъ своимъ хладнокровіемъ на поляхъ битвъ, не измѣнилъ себѣ и на смертномъ одрѣ. Здѣсь онъ уже не могъ казаться фанфарономъ, за котораго его такъ часто принимали: это былъ герой, въ истинномъ значеніи слова, какимъ онъ и долженъ былъ быть всегда, чтобы встрѣчать смерть *такъ покойно*.

Со слезами на глазахъ подалъ я ему письмо.

— „Я не могъ получить этого письма изъ болѣе достойныхъ рукъ: вѣдь мы связаны съ вами, принцъ, славными воспоминаніями", сказалъ Милорадовичъ.

На мое искреннее сожалѣніе о постигшемъ его несчастіи и на выраженную надежду видѣть его здоровымъ, онъ отвѣчалъ:

— „Зачѣмъ поддаваться надеждѣ! Внутренность моя горитъ!... Смерть, конечно, не совсѣмъ пріятная гостья; но — видите — я умру такъ, какъ жилъ, съ чистою совѣстью.“

По прочтеніи письма, Милорадовичъ сказалъ:

— „Охотно умираю за Императора Николая.... Меня успокоиваетъ мысль, что не отъ руки стараго солдата палъ я... Прощайте, принцъ!... до свиданія въ лучшемъ мірѣ!...“

Это были послѣднія слова обреченнаго смерти. Потухающіе глаза его остановились на мнѣ привѣтливо.....

Спустя нѣсколько минутъ, Милорадовича не стало.

Раннимъ утромъ 15-го декабря, я повторилъ, по высочайшему повелѣнію, осмотръ на Петербургской сторонѣ и на Васильевскомъ островѣ, и отовсюду возвратился съ самыми успокоительными вѣстями. Войска начали подходить изъ окрестностей столицы, и вскорѣ обнаружилось, что между ними нетолько господствовалъ наилучшій духъ, но что въ заговорѣ отдѣльныхъ личностей нижніе чины не принимали участія массою. Изъ заговорщиковъ-офицеровъ многіе 14-го декабря стояли въ рядахъ войскъ противъ бунтовавшихъ, но потомъ были выданы своими арестованными уже соумышленниками; другіе были привезены въ Петербургъ изъ внутреннихъ губерній. Мало-по-малу умы стали успокоиваться, и въ Зимнемъ дворцѣ безсонныя ночи уступили мѣсто обычному порядку. Я долго оставался на половинѣ Его Величества и былъ свидѣтелемъ всего, что здѣсь происходило. Въ особенности памятно мнѣ появленіе того малорослаго толстяка, который, въ солдатской шинели, обратилъ на себя мое вниманіе на сенатской площади: онъ самъ пришелъ объявить, что намѣревался убить Государя, и молилъ о прощеніи. Это былъ Булатовъ, подполковникъ 12-го егерскаго полка.

Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при разговорѣ съ Якубовичемъ, Провидѣніе видимо хранило Монарха, потому что и Якубовичъ имѣлъ одинаковый преступный умыселъ.

Вспоминая объ этихъ случаяхъ, Государь сказалъ мнѣ:

— „Ce qu'il y a d'inconcevable dans tout cela, Eugène, c'est qu'on n'ait pas tiré à la tête à nous deux" *).

Наконецъ и изъ отдаленныхъ губерній, охваченныхъ заговоромъ, получены были успокоительныя извѣстія. Послѣдняя искра злаго умысла погасла въ безразсудномъ предпріятіи подполковника Муравьева-Апостола, который взбунтовалъ баталіонъ Черниговскаго полка, но былъ разбитъ при Устимовкѣ и взятъ въ плѣнъ генералъ-маіоромъ барономъ Гейсмаромъ.

---

*) „Во всемъ этомъ непостижимо то, Евгеній, что въ насъ съ тобою не стрѣляли."

